

НЕУВЯДАЕМЫЙ ТАЛАНТ ВДОХНОВЕННОГО МАСТЕРА

ЧАЙКА ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНЫ

ВЕРИКО Анджапаридзе никогда не иррационально не была чеховской Чайкой. Но почему-то именно с этим образом ассоциируется ее актерский облик — с Чайкой — трепетной, исполненной лирикой и драматизмом, задумчивой грустью и верой в жизнь, Чайкой, жаждущей жизни и не боящейся жить.

Странно. Мы начинали рассказ об актрисе с этой, не сыгранной ею роли, с того, что лишь предположительно могло бы стать ее поведом. Не рискованно ли это для пишущего и правомочен ли избранный к сердцу актрисы путь? Не ограничивает ли подобный подход самую суть вопроса о ее творческом размахе и своеобразии? И как быть с такими ее ролями, как Юдифь и Клеопатра, Мария Стюарт и Медя, которые никак не «вмещаются» в сферу лиричной и вводят нас в мир трагических, патетических, мощных страстей художника? Как совместить, наконец, со всем этим и то, что Верико Анджапаридзе играла не только Офелию и Дездемону, Маргариту Готье и Луизу Миллер из пушкинских драмы «Коварство и любовь», но и роли остроумные, добрые, как Мирандолина, графиня Альмавива и Дареджан в пьесе И. Мосамели «Его звезда».

Очевидно, проще всего было бы искать объяснения подобным «трансформациям» актрисы в ее диапазоне, говорить о широте и разнообразии средств актерской выразительности, о ее тяготении к художественным контрастам.

В любом ином случае подобные рассуждения были бы логичны. С Анджапаридзе — все иначе. Не так к разнообразию, не так к разносторонности, не так к различиям амплитуды характеризуют ее актерский облик, а скорее тенденция сплотить в своем актерском арсенале различные по характеру и жанру роли, подчинить их своему, сугубо индивидуальному миру эмоций и чувств, подчеркнуть в них не то, что их разъединяет, а то, что роднит и сближает.

На снимках: В. Анджапаридзе в спектаклях (сверху вниз) «Мария Стюарт», «Антон и Клеопатра», «Мать» К. Чапека.

Юдифь, ее Клеопатра — только ее Клеопатра. Эти образы сугубо индивидуальны, ибо в своих сценических созданиях Анджапаридзе всегда остается сама собой.

Странное дело, эта полная и беспредельная «растворимость» в сценическом образе не мешает ей ощущать его театральную природу. И как неправда те, кто пытаются доказать, будто игра актрисы своей жизненной убедительностью заставляет забыть о том, что ты в театре. Напротив, воспринимая игру Анджапаридзе, ни на минуту не забываешь о театре. О театре с его театральностью, возвышенным, поэтическим, нежитейским миром, с его пластической образностью, музыкально-ритмической сущностью. Отсюда — первостепенное значение внешней формы в искусстве актрисы.

В поисках формы Анджапаридзе прибегает к крайним средствам. Она не боится быть подчеркнуто полемичной. Полемичность идет от нарочитой заостренности рисунка, от неожиданных и смелых ракурсов движений и жестов, от тех решительных выводов, к которым приводит актриса в своих сценических поисках. Актриса взлетает и спадает. Анджапаридзе выбирается на самые высокие, что, кажется, может голова закружиться от всякого человеческого движения и жеста. Но ей не страшно, она уверена в себе и, чертя голову, устремляется ввысь. Она летит без оглядки, легко и непринужденно, проделывая самый решительный скачок с очаровательной и элегантною непоколебимостью. При этом, азарт риска ни на минуту не отвлекает ее от того сущностного и главного, к чему зовет ее, актрису, сознание сущности искусства. Она умеет, как немногие, проникать в тайники души человеческой и в этом умеении находить своеобразный путь. В таких случаях мерилом достоверности является ее внутренняя вера во все то, что она делает, ее способность уловить зритель, что даже самое превеликое — правда жизни.

Героини Анджапаридзе всегда ищут любви. И любят она беспредельно, с полным самоотдачей, с сознанием собственной жертвенности. При этом, для актрисы любовь не важно, — любовь ли это возлюбленной к милому, — возлюбленному Уриэлю или к великодушному Фердинанду; любовь ли это матери к сыну-изгнаннику, сбежавшему с пути, или любовь сестры к сестре, во имя которой необходимо жертвовать своей красотой и собственным счастьем. Важно, что это — любовь до конца: пламенная, нестывающая, всепоглощающая, жертвенная.

Один писатель как-то заметил, что героини Анджапаридзе всегда стремятся к счастью, сами же остаются несчастными. С точки зрения житейской мудрости, может быть, оно и так. Но стоит только подойти к проблеме трагического и драматического в творчестве Анджапаридзе с позиций высочайших социальных идеалов, с

позиции времени и вечности, как станет очевидным, что подлинное счастье героинь Анджапаридзе именно в их глубокой и бескомпромиссной принципиальности, в последовательности и цельности их натур, в какой-то удивительно мужественной стойкости и непоколебимой решительности перед полным крахом — крахом физическим, но не моральным.

Героини Анджапаридзе гибнут всегда как победительницы. Они терпят поражение, но в смерти их есть что-то возвышающее, прекрасное. Тут и одержимость, и подвиг во имя любви, и жертвенность во имя ближнего, и приговор злу — в защиту человеческого достоинства, любви, свободы, чести.

Не сложенные и не несчастья, а гордые и великодушные уходят из жизни ее героини. И остаются жить. Они живут в памяти людей, в их сознании, делах, поступках, как символ прекрасного.

В эти дни грузинский народ несет к ногам актрисы множество цветов. Цветы — символ молодости и жизни.

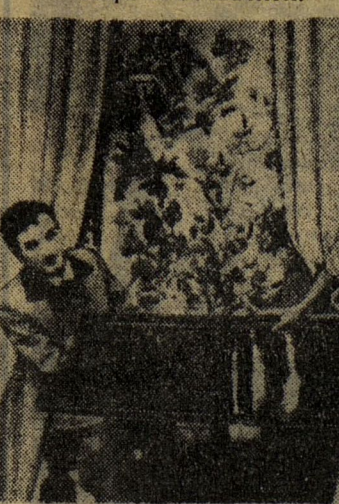
Верико Анджапаридзе переживает свою вторую молодость. Вечно юная, всегда исполненная оптимизма, всегда одержимая — такой пришла она к своему юбилею. Пришла не одна — рука об руку с нею предстает на подмостках сцены ее Юдифь и Маргарита, Офелия и Дездемона, Мария Стюарт и Клеопатра, Медя и Бабушка, Мэвина и Динара, Ано и Мэгдала, Ларса и Мехмен-Бану — разное порождение их всех, е — сплунд в долоте!

Дорога к 50-летию творческой деятельности была крутой и нелегкой. В пути подстерегали и трудности, и горечь разочарований. Надо было уметь побеждать. Нужны были силы, вера в себя, вера в правду. Отому учил ее Котэ Марджаншвили. Ему Верико Анджапаридзе обязана многим — всей своей творческой жизнью.

И вот он, праздник, ставший для нее всенародным. Благодарность народа, его признание — все слилось воедино, напоминая еще раз о вечном юном и женственном, о любви, о весне, о цветах, о лазурном небе, о чайках в его просторе.

Верико Анджапаридзе, как весна. Весна грузинского театра. Чайка грузинской сцены...

Этери ГУГУШВИЛИ.

К 50-ЛЕТИЮ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР ВЕРИКО АНДЖАПАРИДЗЕ

ЮБИЛЯРА ПОЗДРАВЛЯЮТ:

С юных лет я была большим любителем театра. Видела игру замечательных европейских артистов. За деятельностью Верико Анджапаридзе слежу давно. Она блестящая актриса, и я бы сказала, что неувядающая. Я часто говорила: сколько у этой женщины сил и энергии!

Верико Анджапаридзе доказала, что великий артист так же не увядает, как и великий писатель.

Полвека служит Верико Анджапаридзе грузинскому театру. Желаю ей и впредь столько же лет украшать нашу сцену.

Константин ГАМСАХУРДИЯ.

Я очень люблю Верико Анджапаридзе, люблю ее — умного, искреннего, яркого человека на сцене и в жизни. Я знаю все ее удачу и рад, что не знаю неудач. На ее спектакли я иду, как на праздник, и она ни разу меня не подвела. Верико — эпоха в грузинском театре. Каждая роль любимой актрисы — это событие в театральной жизни.

Полвека блистает на нашей сцене не увядаемый талант. Я от всего сердца желаю ей, чтобы эта творческая молодость была вечной и непреходящей, как истинное искусство.

Л. ГУДИАШВИЛИ,

народный художник Грузинской ССР.

50 лет замечательная грузинская актриса Вера Иланионовна Анджапаридзе радуется многочисленным любителям сцены своим великолепным искусством.

В эти знаменательные для нее дни мне хочется присоединить свой голос к мощному хору поздравлений, пожелать юбиляру достижения новых высот в искусстве, радостных встреч на московской земле.

М. ПРУДИН,

народный артист СССР.

Трудно сказать, что меня больше всего восхищает в игре Верико Анджапаридзе — пластичность жеста, виртуозная техника, своеобразная мелодичная речь или огненный темперамент. На сцене актриса всегда прекрасна. Это подлинный творец, который готов на любые жертвы ради искусства, способный вложить все изящество и тонкость вкуса в тончайшие нюансы роли.

Для каждой своей героини замечательная актриса находит оригинальные краски, перевоплощаясь и создавая полные дыхания жизни образы. Хочется пожелать от всего сердца, чтобы ее великолепный талант еще долгие годы доставлял зрителям радость встречи с большим искусством.

В. АСАТИАНИ,

академик Академии наук Грузинской ССР.

ОДНА ЛЮБОВЬ— ИСКУССТВУ

Достойна памятки ты
За то, что жертвуешь душой
Одной любви —
искусству храму...

Галактион ТАБИДЗЕ.

Нам неизвестно, кому посвятил великий поэт эти, написанные полвека тому назад и исполненные глубоких чувств, поэтические строки. Однако редко можно встретить артиста, всему облику которого так соответствовали бы эти строки, как Верико Анджапаридзе. Верико Анджапаридзе посвятила всю свою жизнь театру и кино. Трудно представить грузинскую советскую кинематографию без творчества Верико Анджапаридзе.

Я вспоминаю начало двадцатых годов. Приход Котэ Марджаншвили в театральную жизнь Грузии, его первые шаги на поприще грузинского советского киноискусства, его глубоко содержательное письмо «Рго домо сына», в котором впервые в истории грузинской кинематографии со всей принципиальностью были поставлены вопросы о кинорежиссуре, монтаже, кинематографической речи и др. Особо был подчеркнут вопрос о месте и роли кинорежиссера в сложном процессе создания фильма.

«Если для театра требуется

актер, а не любитель, то тем легче для кино нужен актер и только актер», — писал К. Марджаншвили. Эта мысль великого режиссера послужила главным двигателем, обусловившим в дальнейшем подъем грузинской творческой культуры киноактера и художественное совершенствование грузинских фильмов.

На нашу кинематографию уже тогда заметно воздвигалось, глубоко реалистическое творчество артистов школы К. Марджаншвили. Они сыграли такую же роль в истории развития киноискусства Грузии, какую сыграли артисты

школы К. Станиславского и В. Неймировича-Данченко в рождении и становлении национальной кинематографии России. Верико Анджапаридзе является одной из самых значительных фигур среди них.

Вышедшие в 1925 году фильм «Кошмары прошлого» и его продолжение — «Ценою тысяч» были теми картинами, в которых дебютировала в кино Верико Анджапаридзе. После этого прошло 45 лет, но она с видной энергией и вдохновением служит родной кинематографии.

Поразительно многообразна галерея созданных ею образов.

Каждый из ее героев наделен своеобразной индивидуальностью, художественным изяществом, безграничной впечатлительной силой. Среди них — такие могучие трагические образы, как Махалат («Дина Дзагу»), Маро («Сабан»), Саломе («Золотистая долина»), Руслан («Горный Саквадз»), мать Гулама («Исправная песня»). Отарова вдова, певица («Иные нынче времена») и др. Глубоко контрастно социальные различия этих ролей. Велик тот талант, который помогает Верико Анджапаридзе рисовать эти совершенно разные по характеру, темпераменту и философским образы.

Еще раз повторяя популярную мысль о большой и малой роли для великого артиста, хочется подчеркнуть, что для Верико Анджапаридзе не существует ни одной роли на экране, в широком диапазоне и большого обобщения. Невозможно говорить о созданном

ею образе Русудан в фильме «Горный Саквадз», чтобы перед взором не предстала подлинная грузинка-мать, воспитавшая немало героев и не особенно бережно носящая в своем сердце любовь к родине, к родному очагу.

Глубоко вытекающая из авторской замысли, воспринимая социальную суть литературного первоисточника, Верико Анджапаридзе создает в «Отаровой вдове» классический образ матери, который по смысловому и художественному является одним из ярчайших среди образов советской кинематографии. Фильм этот шел с большим успехом как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Совершенно другими художественными средствами создавала Верико Анджапаридзе образ гадальки Бабаде в фильме «Каджана». Актриса впервые на грузинском экране показала характерный образ представительницы старого быта.

Рядом с этими образами неизгладимое впечатление остав-

ляют такие, казалось бы, малые роли артистки, как княжна Манана в «Арсеке», княгиня в фильме «Иные нынче времена» и др. Роль, действительно, маленькая, но огромный талант артистки позволил превратить их в незабываемые для зрителя образы. Нельзя не вспомнить и вычтенный Верико Анджапаридзе образ председателя послевоенного колхоза Нино в фильме «Счастливая встреча».

Хочется отметить и тот факт, что творчество артистки не ограничивается созданием образов лишь из жизни своего родного народа. Еще в период немого кинематографии созданный В. Анджапаридзе образ французской революционерки Луизы («Грубая коммунарка») привлекал внимание общественности. Правдивы и впечатляющие характеры матери Ганса («Павел Бердана»), Дафини («Великий воин Сяндерберг») и других героини, которые занимают видное место в творческой биографии артистки, говорят о ее

разностороннем таланте, неслыханных поисках нового.

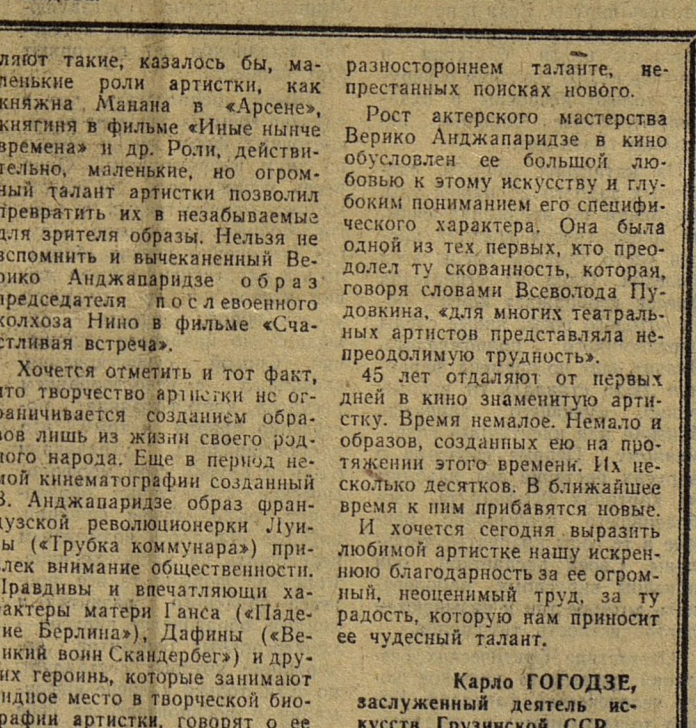
Рост актерского мастерства Верико Анджапаридзе в кино обусловлен ее большой любовью к этому искусству и глубоким пониманием его специфического характера. Она была одной из тех первых, кто преодолел ту скованность, которая, говоря словами Василия Пудовкина, «для многих театральных артистов представляла непреодолимую трудность». 45 лет отделяют от первых дней в кино знаменитую артистку. Время немалое. Немало и образов, созданных ею на протяжении этого времени. Их несколько десятков. В ближайшее время к ним прибавятся новые.

И хочется сегодня выразить любимой артистке нашу искреннюю благодарность за ее огромный, неоспоримый труд, за ту радость, которую нам приносит ее чудесный талант.

Карло ГОГОДЗЕ,

заслуженный деятель искусства Грузинской ССР.

В. Анджапаридзе в спектаклях: «Соломон Межгануашвили» (слева) и «Дерева умирают стоя» на сцене театра имени Грибоедова.

На снимках: кадры из кинофильмов с участием В. Анджапаридзе (слева направо) «26 бакинских комиссаров» Бакинской киностудии, «Трудное счастье» — «Мосфильм», «Повесть об

«Повесть об

«Повесть об